

Силуэты

«Вирус» Пикуля

Москва, Правда, 2003 - 16 июля 2003

Отношение к исторической романистике во все времена было далеко не однозначным: от безусловного преклонения перед нею и торжественного уравнивания в правах с самой Историей (скажем, романы Дюма-старшего для французов) - до резкого, порою огульного отрицания.

К сожалению, для иллюстрации последнего положения на ум сразу же приходит имя Валентина Саввича Пикуля, официально-официозная трактовка творчества которого до сих пор выглядит весьма умеренной и прохладной. И вряд ли что-то изменит в ней 75-летие со дня рождения писателя. По счастью, арсеналы «критических зарядов», выпущенных в его адрес, никак не сказались на восприятии этого замечательного романиста массовой читательской аудиторией. Удивительно, что при всем, мягко говоря, недоброжелательстве большинство Зоилов-анти-Пикулей тоже тайно являлись и являлись его почитателями. Более того, книги Валентина Саввича, в советском прошлом не слишком доступные рядовым согражданам, красовались на полках многих «подоблачных» и «заоблачных» кабинетов - рядом с сочинениями Маркса и Ленина. Нет, не истек Валентин Пикуль кровью ран, оставленных злопословицей. Умер от инфаркта - тринадцать лет назад. Умер в зените славы, увенчанный лаврами народного писателя. Может быть, только в таком признании проявилось некое подобие справедливости, столь не свойственной вообще-то российской истории культуры и литературы.

Почему же истории и ее плутоватой сестричке исторической романистике приходилось раз за разом менять балльные наряды на рубище Золушек? Наверное, в немалой степени потому, что и сами их апологеты часто бывали весьма нелюбимы в оценках предмета обожания. Так, великому Геродоту приписывают слова: «История мать брехни». С другой стороны, «История - это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого...» - утверждал В. И. Ключевский. Между несводимыми полюсами простирается необозримый простор, в котором хватает и бездн, и вершин, - и нет недостатка в умах, старательно отграничивающих одно от другого.

Зачем В. Пикуль стал историческим романистом? Чем для него была история? Матерью кормящей или девкой гуляющей? Более чем достаточно оснований предполагать, что судьбу свою писатель строил осознанно, исходя из двух красноречивых принципов:

1. История существует независимо от того, одобряем мы ее или не одобряем;

2. «История - инструмент острорежущий», поэтому «хочет или не хочет исторический романист, но, садясь за рабочий стол, он уже силой обстоятельств вовлечен в борьбу» (из интервью В. Пикуля).

Потому-то, видимо, в произведениях писателя так много реминисценций и сопоставлений, сопрягающих эпизоды, образы, мотивы, отстоящие друг от друга иногда на века. Уже в первом романе «Океанский патруль» (1954 г.), который Пикуль со свойственной ему (и весьма необычной для многих коллег) принципиальностью в значительной степени считал неудачным, применен этот прием, в дальнейшем неоднократно встречавшийся в других его хрониках и эпопеях. Дело вовсе не в том, что Валентин Саввич не уделял должного внимания разработке оригинальных авторских средств. В романе «Слово и дело» он сам же и объяснил бросающийся в глаза диссонанс, неоднократно подчеркнув, что история очень и очень умеет забывать. Отсюда - неопровержимый логический вывод: задача романиста в том и состоит, чтобы заставить историю вспоминать.

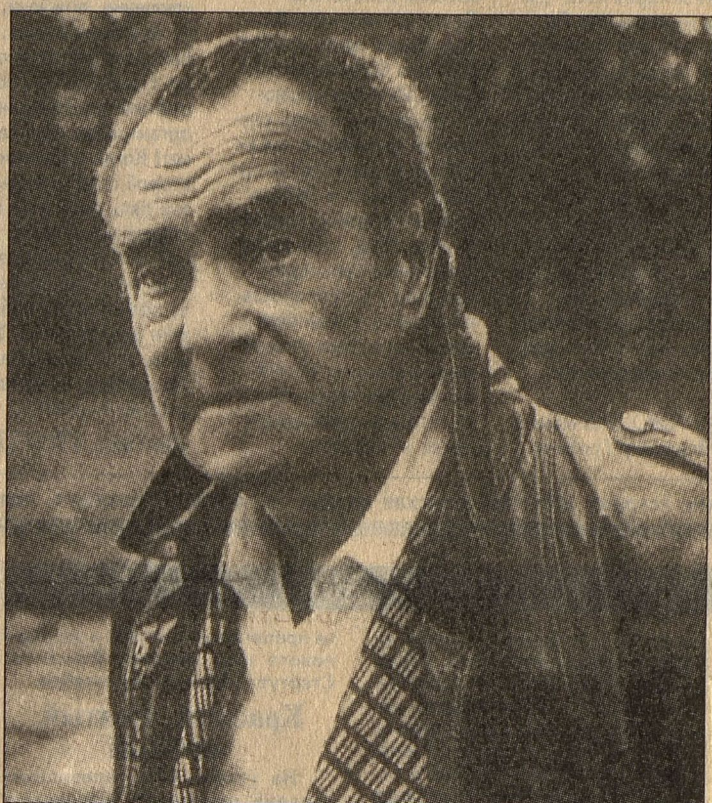
По существу реализации собственного метода он и подчинил свое творчество. И спустя 13 лет после смерти писателя, когда многое изменилось вокруг, правомерность выработанного им подхода не подлежит сомнению. «Публика - есть высшее судилище, высший трибунал для литературы...» - подчеркивал неистовый Виссарион. Книги Валентина Пикуля, неизменно лидирующие в рейтингах продаж разных издательств (таких, например, как уважаемое в кругах знатоков издательство «Вече»), испытание временем выдержали. Это далеко не случайно. Ведь излюбленной и практически единственной темой писателя стала сама Россия. Ее история, полная

тайн, оголтелых ревизий и умеренных восхвалений... Ее Дух, в значительной мере не понятый никем - в том числе и, собственно, русскими... Девизом этого человека стали слова Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Не уважать оную - постыдное малодушие...»

Пикуль не тиражировал мнения и концепции, наработанные до него. Воистину - не мир принес он в стан дипломированных знатоков русской истории. Всей энергией неумолимой своей натуры, всей силой своего дара боролся он со «штамповкой» и хрестоматийной «окаменелостью» ключевых фигур прошлого. Разрушал признанные оценочные каноны былых эпох. Отвергал устаревшие концепции и догматизм интерпретаций фактов и реальных «делателей истории». Дорого стоят подаренные им народу художественные образы

жизненного применения. А вот о сильном человеке - нет. Между тем наша литература, общество нуждаются в своем Мартине Идене, ищут его - сильного человека, идущего впереди, хорошо знающего, чего он хочет, способного сломать любые преграды...»

Несомненно, доля истины в авторской трактовке указанного феномена есть. Однако самим читателям все представлялось несколько шире, философичнее, что ли? «Общаясь с Пикулем, веришь в высшее, небесное предназначение человека», - такой в целом была общественная реакция - не смотря на то, что хватало и «ценителей», искавших в романах Валентина Саввича прежде всего «дворцовые интриги» или секс-экзотику, которые расцветивали запретными красками эмоционально бедную жизнь «под винтик» унифицированных «строитель коммунизма».

таких неординарных личностей, как Петр I, Екатерина Великая, князь Потемкин, Григорий Распутин... Умение «очеловечить» историю, восстановить ее плоть и кровь, насытить эмоцией сухой перечень известных дат - вот истинный фундамент любви к его книгам, никак не желающим покоиться в библиотечных могильниках.

«Вы возвращаете духовно ободранному, как липка, народу то, что принадлежало и принадлежит именно ему - его уважение к себе, его историю, его величие...», - благодарили писателя верные поклонники. И создавали самостоятельные «Клубы Пикуля» в столицах и провинции, пытались, вслед за своим кумиром и учителем, понять, что же происходит с Родиной.

«Писатель думает и пишет, читатель читает и думает, и вот это «думает» соединяет нас...», - быть может, невольно выделял другой корреспондент то главное, без чего никакая литература немислима. На поиск исторической истины - ни больше, ни меньше - благословлял пытливые умы Валентин Пикуль. Вот почему старательно замалчивали и не замечали его лакировщики всех мастей. Но потуги их были тщетны. И приговором утвердившимся в стране начальственно-барскому пустомельству и рукоусойному «одобрямс» приходили в адрес писателя такие откровения: «Смею утверждать, Валентин Саввич, что офицерский корпус, к которому я принадлежу, нынче не произведет ни чаадаевых, ни перомоновых, ни марлинских; технократия плюс десятилетия отлучения от истины, от «интеллектуальных рефлексий» сделали свое паскудное дело: поубавилось гражданской смелости у военных людей, а без нее - что ж! - ни прозы, ни поэзии не сотворишь. Нынче - ЧИТАЮТ, и то - слава Богу и его заместникам на земле...»

Да уж, читали жадно и взахлеб. Искали и добывали правды и неправды его, Пикуля, романы. Передавали из рук в руки - как апокрифы - на день, на два. Иногда платили деньги, получая время (жестко ограниченное!), чтобы переписать от руки особенно понравившиеся места... Нечего было делать? С жиру бесились?

Да нет, конечно! Сам писатель, несколько упрощая, объяснял в одном из телеинтервью возникший феномен так: «О чем писали русские писатели? Либо о забитом крестьянине, либо о дворянине-интеллигенте, который без толку мучается, не находя

Разумеется, ставил перед собой писатель и иные цели. «Сравнивая прошлое с настоящим (и делая выводы на будущее), читатель должен знать, что наше государство не имело блаженных времен, а жизнь русского народа всегда была сопряжена с преодолением неслыханных кризисов. Летом 1941 года мы выстояли еще и потому, что нам в удел достался дух наших предков, закаленных в прошлых испытаниях», - имел право сказать бывший юнга, с пятнадцати лет служивший рулевым на эскадренном миноносце. То же самое он утверждал в романе «Пером и шпагой», прославляя гибкость русского мышления и несокрушимость русского оружия. И безродные босяки, потихоньку покорявшие облатненные пирамиды «народной» власти, не могли не чувствовать собственную ущербность перед могучими предтечами.

Отвечая ученому секретарю Института США и Канады А. А. Кокошкину, Пикуль весьма обстоятельно охарактеризовал черты русского национального характера и русского духа. Этот интереснейший материал, показывающий направление мысли художника и не потерявший своей актуальности донныне, приведен в прекрасной книге жены и соратницы писателя Антонины Ильиничны Пикуль «Уважаемый Валентин Саввич!.. Письма к писателю», изданной совместно «Вече» и «АСТ» в 2001 году. Не вдаваясь в подробности, заметим, что сегодня, возможно, Валентин Саввич значительно сократил бы тот блестящий перечень, видя стремительное проникновение всех без разбору западных новаций в самое основание русской ментальности. Но ведь несомненно и другое: будь он жив - продолжал бы беззаветно бороться за сохранение уникального самосознания, завещанного нам былинными витязями и чудо-богатырями, которое в последнее десятилетие безжалостно вытравляется из душ россиян. Впрочем, его книги продолжают его дело и его святую борьбу.

«Прочла Вашего «Фаворита» и заболела «вирусом Пикуля», - признавалась Валентина Белук из Калининграда в далеком тепер 1986 году, словно предчувствуя нынешнее жалкое положение этой русской крепости. Дай-то Бог, чтобы не атипичная пневмония сердец и душ, а именно «вирус Пикуля» безраздельно господствовал на пока еще русских просторах.

Олег ЮЗИФОВИЧ.

393